

Писатель-философ

Гениальным писателем-метафизиком был **Фёдор Михайлович Достоевский**. В литературной форме, как наиболее адекватной его образу мысли, Достоевский пытался обдумать и решить собственные **метафизические проблемы**. Как у всех великих русских писателей, начиная с Пушкина, писательский труд Достоевского был одновременно и **самотворчеством**, созиданием личности и нового образа жизни. Нить мучительной судьбы Достоевского вплетена в ткань его произведений. С другой стороны, в творениях своих он пытался понять и разрешить мучающие его вопросы жизни. Говоря современным философским языком, его творчество **экзистенциально** прежде всего в том, что охвачено **единством экзистенции** самого автора.

«Все герои Достоевского — он сам, его собственный путь, различные стороны его существования, его муки, его вопрошания, его страдальческий опыт... В творчестве его отразились все противоречия его духа, все бездонные его глубины. Творчество не было для него, как для многих, прикрытием того, что совершалось в глубине. Он ничего не утаил, и потому ему удалось сделать изумительные открытия о человеке. В судьбе своих героев он рассказывает о своей судьбе, в их сомнениях — о своих сомнениях, в их раздвоениях — о своих раздвоениях, в их преступном опыте — о тайных преступлениях своего духа... Ему удалось до глубины поведать в своём творчестве о собственной судьбе, которая есть вместе с тем мировая судьба человека» (Н. А. Бердяев). В творениях своих он пытался понять и разрешить мучающие его вопросы жизни. Его творчество **экзистенциально**, прежде всего, в том, что укоренено и охвачено **единством экзистенции** самого автора.

Таков путь осознания Достоевским действительности: личное переживание воплощается в художественной форме и затем осознаётся вполне. В художественном образе он погружается в метафизическую глубину проблемы, исследует её диалектическое содержание и после этого формулирует впрямую. Это не просто литературные занятия, не игра фантазии, мало

отражающиеся на облике и судьбе автора, а **тип жизни**. Достоевский не мог не писать романов, прежде всего потому, что разрешал в них проблемы собственного бытия. Отсюда потребность миссионерства — распространения своих взглядов, отсюда же и пророческость — чувство пророческой значимости своих высказываний. Не может писатель, творящий в сугубо литературных традициях и ассоциациях, проникнуться пафосом обладания целостной истиной, спасительной для человечества.

В своих произведениях он описывал не эмпирические состояния человека, а события духовные, **диалектику духовных реальностей**: *«Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть я изображаю все глубины души человеческой»*. Его герои являются одновременно и определёнными человеческими характерами, и воплощением неких идей в их предельном выражении — *«Достоевский стал великим художником идеи»* (М. М. Бахтин). Это не абстрактные и рационалистические, а экзистенциальные идеи, идеи-индивидуумы, способные воплощаться, своего рода **живые духовные существа** с собственной волей, своим индивидуальным обликом.

Н. А. Бердяев первым осознал **духовидчество** Достоевского: *«Его творчество есть знание, наука о духе... Романы Достоевского — на настоящие романы, это трагедии, но и трагедии особого рода. Это внутренняя трагедия единой человеческой судьбы, единого человеческого духа, раскрывающегося лишь с разных сторон в различные моменты своего пути... Он весь в динамике духа... Достоевский — великий революционер духа. Он весь направлен против окостенения духа... Достоевский знает о совершающейся революции, которая всегда начинается в **духовной подпочве**. Он прозревает её пути её плоды... Достоевский пребывает в духовном и оттуда всё узнаёт... Достоевский воспринимает жизнь из человеческого духа... Поэтому Достоевский видит революцию, совершающуюся в **глубине человеческого духа**... Достоевский на своём знании человеческого духа основывает свои предвидения... Искусство Достоевского всё — о глубочайшей **духовной действительности, о метафизической реальности**, оно менее всего занято эмпирическим бытием... Не*

реальность эмпирического, внешнего быта, жизненного уклада, не реальность почвенных типов **реальны** у Достоевского... Реальна у него **духовная глубина** человека, реальна **судьба человеческого духа**. Реально отношение человека и Бога, человека и дьявола, реальны у него идеи, которыми живёт человек... Он не психолог, он — **пневматолог и метафизик-символист**... Если и можно назвать Достоевского реалистом, то **реалистом мистическим**».

Достоевский — один из зачинателей **персоналистического образа мысли** в русской культуре, он по идейным и творческим установкам персоналист, как и большинство русских философов XX века. «У Достоевского было испулённое чувство личности. Всё его мировоззрение проникнуто персонализмом» (Н. А. Бердяев). Его интересует, прежде всего, то индивидуальное, в котором раскрывается универсальное содержание. «Все сложные столкновения и взаимоотношения людей обнаруживают не объективно-предметную, “реальную” действительность, а **внутреннюю жизнь, внутреннюю судьбу** людей. В этих столкновениях и взаимоотношениях людей разрешается загадка о человеке, о его пути, выражается **мировая “идея”**... Человек ещё более становится в центре его творчества, и **судьба человека** — исключительный предмет его интереса» (Н. А. Бердяев). Но Достоевский описывает не природного человека гуманизма, а задаёт совершенно иное измерение. «Человек берётся не в плоскостном измерении гуманизма, а в измерении глубины, во вновь раскрывающемся духовном мире... Боль о страдальческой судьбе человека и судьбе мира достигает белого каления... Художественная наука и научное искусство Достоевского исследует человеческую природу в её бездонности и безграничности, вскрывает последние, подпочвенные её слои. Достоевский подвергает человека духовному эксперименту, ставит его в исключительны условия, срывает все внешние напластования, отрывая человека от всех бытовых устоев» (Н. А. Бердяев).

«Все идеи Достоевского связаны с судьбой человека, с судьбой мира, с судьбой Бога» (Н. А. Бердяев). Это **духовный, христианский персонализм**. Но писатель не рисует **статичное благолепие человеческой личности**, а вскрывает бездну

богооставленности, своеволие богоборчества, ведущего к самоуничтожению... «Достоевский увлекает в тёмную бездну, разрывающуюся внутри человека. Он ведёт через тьму кромешную. Но и в этой тьме должен воссиять свет. Он хочет добыть свет во тьме. Достоевский берёт человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, впадшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе, открывает неотвратимые результаты путей свободы. Достоевского прежде всего интересует судьба человека в свободе, переходящей в своеволие. Вот где обнаруживается человеческая природа. Подзаконное существование человека на твёрдой земной почве не раскрывает тайн человеческой природы. Достоевский особенно заинтересовывается судьбой человека в тот момент, когда он восстал против объективного миропорядка, оторвался от природы, от органических корней и объявил своеволие. Ощипенец от природной, органической жизни ввергается Достоевским в чистилище и ад города, и там проходит он свой путь страдания, искупает вину свою... Всё творчество Достоевского есть предстательство о человеке и его судьбе, доведённое до богоборства, но разрешающееся вручением судьбы человека Богочеловеку — Христу» (Н. А. Бердяев).

Философия в образах Достоевского впервые ставила многие проблемы бытия человека: неразрешимые противоречия личности, мировая гармония и разгул зла, оправдание добра в мире, преисполненном зла. Главный вопрос мыслителя-художника: смысл и цель существования человека на Земле: «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить». Он сочетал персонализм — утверждение божественной ценности человеческой личности — с соборностью и всечеловечностью. Достоевский — **реалист духа** — впервые вскрыл глубины человеческой души, в которой дьявол с Богом борется.

«Достоевский, великий провидец и мыслитель, выражает собой как бы душевную субстанцию русского народа. Его романы повергают в душевный хаос, в котором мощный голос обретают страсти, где они переплетаются, сталкиваются и разрушаются в таком напряжении и смятении, которое подчас едва переносимо, и с такой

художественной силой, которую нельзя порой переживать без отращения. Однако если бы кто-нибудь стал утверждать, что Достоевский идеализирует этот хаос и копаются в потемках душевных, чтобы “возвеличить” нестроение и превратности души, тот впал бы в большую ошибку. Напротив, всё, что пишет Достоевский, является прорывом к Богу, зовом к Господу, борьбой за преобразование и за дух Христа. Для Достоевского значим только один девиз: “*De profundis clamaui ad te, Domine!*” (“Из глубины воззвах к Тебе, Господи!”), только один лозунг: “В глубочайшей бездне светит Бог!” И сам он, суггестивный¹ мастер человеческой страсти, знал совершенно точно всё, что касается формы, и именно добротной формы человека; он знал, как беспочвен, в какой глубокой бездне оказывается человек без Бога и почему только гармония открывает истинные глубины духа, приносит исцеление и просветление. Вот почему он понял и смог выразить суть национально-пророческой миссии Пушкина» (И. А. Ильин).

Писатель открывает **глубинную психологию** — подпольного человека, бессознательное и подсознательное: «Он сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него... Эта новая антропология учит о человеке как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не столько страдающем, но и любящем страдания. Достоевский более пневматолог, чем психолог, он ставит проблемы духа... Он изображает экзистенциальную диалектику человеческого раздвоения... Достоевский высказывает гениальные мысли о том, что человек совсем не есть благоразумное существо, стремящееся к счастью, что он есть существо иррациональное, имеющее потребность в страдании, что страдание есть единственная причина возникновения сознания» (Н. А. Бердяев).

---

¹ Суггестивность (англ. suggestive — намёк, внушение) — термин, характеризующий поэтические мотивы, образы, сюжеты, а также литературные приемы. Художественный образ называется суггестивным, если он заставляет интенсивно работать воображение читателя, вызывает яркие эмоциональные переживания, раскрывает новое миропонимание или обновляет старое.

Ф. М. Достоевский вскрывает трагическую метафизику зла. Он анализирует глубинные психологические мотивы преступления и диалектику совести. Он — певец божественной свободы в человеке: *«Принятие свободы означает веру в человека, веру в дух. Отказ от свободы есть неверие в человека. Отрицание свободы есть антихристов дух. Тайна Распятия есть тайна свободы. Распятый Бог свободно избирается предметом любви. Христос не насилует своим образом»* (Н. А. Бердяев). Но Достоевский видит, как легко свобода переходит в безбожное своеволие и рабство.

В век начинающегося научно-технического прогресса и торжества идей о земном рае заявлено об античеловечности гуманистической цивилизации: *«Подпольный человек не согласен на мировую гармонию, на хрустальный дворец, для которого сам он был бы лишь средством... не принимает результатов прогресса, принудительной мировой гармонии, счастливого муравейника, когда миллионы будут счастливы, отказавшись от личности и свободы... Достоевский не хочет мира без свободы, не хочет и рая без свободы, он более всего возражает против принудительного счастья»* (Н. А. Бердяев). Безрелигиозное самоутверждение ведёт к утверждению **человекобожества**, к рабству человека, к бесчеловечности. Только в Богочеловеке и Богочеловечности человек способен утвердиться в подлинной духовной свободе. *Если Бога нет, то всё позволено, без веры в бессмертие не разрешим ни один важный вопрос.*

Лицевезрев глубинные духовные реальности, писатель многое сумел предвидеть в истории: *«В Достоевском пророческий элемент сильнее, чем в каком-либо из русских писателей. Пророческое искусство его определялось тем, что он раскрывал **вулканическую почву духа**, изображал **внутреннюю революцию духа**. Он обозначал внутреннюю катастрофу, с него начинаются новые души... В человеке есть четвёртое измерение. Это открывается обращением к конечному, выходом из серединного существования, из общеобязательного, которое получает название "всеемства"»* (Н. А. Бердяев).

Достоевского волновала проблема исторического **предназначения русского народа**, он впервые вводит понятие **«рус-**

ская идея», ставшее основополагающей категорией русской историософии. Через Достоевского пробудилось **русское мес-сианское сознание**, он впервые сформулировал: русский народ — **народ-богоносец**. Достоевский верил, что русскому народу предстоит великая **богоносная миссия** — сказать новое слово миру. В знаменитой речи о Пушкине он говорит, что **русский человек — всечеловек**, обладающий универсальной отзывчивостью. Вместе с тем писатель предчувствует апокалиптические битвы в России: *«Пророчества Достоевского о русской революции суть проникновение в глубину диалектики о человеке — человеке, выходящем за пределы средненормального сознания»* (Н. А. Бердяев). В романе «Братья Карамазовы» Достоевский актуализирует многовековую **антиномию русского православного сознания**. В образе примитивного, грубого и тираничного старца Ферапонта показано современное состояние **иосифлянкой традиции обскурантизма**. Старец Зосима персонифицирует православную **духовность нестяжательской традиции**.

Трагическое мирозерцание Достоевского расширило христианское мировоззрение, открыло новые измерения бытия. Понимание христианства становится более сложным и вместе с тем более соответствующим благовестию Спасителя: *«Достоевский проповедовал Иоанново христианство, — христианство преображённой земли, религии воскресения прежде всего»* (Н. А. Бердяев). Христианство — это религия спасения мира любовью. Старец Зосима в романе «Братья Карамазовы» говорит: *«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его... Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листок, каждый луч Божий любите, любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будем любить всякую вещь и тайну Божию постигать в вещах... Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, всех люби, ищи восторга и исступления сего»*. Это — жизнь по опаляющему измерению Нагорной проповеди, это уже не эмпирическая жизнь, а жизнь-спасение.

«О себе Достоевский очень скромно говорил: “Шваховат я в философии (но не в любви к ней, в любви к ней силён)”. Это значит,

*что академическая философия ему плохо давалась. Его интуитивный гений знал собственные пути философствования. Он был настоящим философом, величайшим русским философом. Для философии он даёт бесконечно много. Философская мысль должна быть насыщена его созерцаниями. Творчество Достоевского бесконечно важно для философской антропологии, для философии истории, для философии религии, для нравственной философии. Он, быть может, малому научился у философии, но многому может её научить, и мы давно уже философствуем о **последнем** под знаком Достоевского. Лишь философствование о **предпоследнем** связано с традиционной философией» (Н. А. Бердяев).*

Достоевский был вновь открыт в XX веке, в то время как в Советской России он был фактически под запретом. С шестидесятых годов XX века Достоевский возвращается в Россию.

Метафизика зла у Ф. М. Достоевского (по роману «Преступление и наказание»)

Герои Достоевского являют индивидуальные характеры, вместе с тем воплощают некие **идеи в их предельном выражении** — «Достоевский стал великим художником идеи» (М. М. Бахтин). «Идеи играют огромную, центральную роль в творчестве Достоевского. И гениальная, **идейная диалектика** занимает не меньшее место у Достоевского, чем его необычайная психология, **идейная диалектика** есть особый род его художества. Он художеством своим проникает в первоосновы жизни идей, и жизнь идей пронизывает его художество. Идеи живут у него органической жизнью, имеют свою неотвратимую жизненную судьбу. Эта жизнь идей — динамическая жизнь, в ней нет ничего статического, нет остановки и окостенения. И Достоевский исследует динамические процессы в жизни идей. В творчестве его поднимается огненный вихрь идей. Жизнь идей протекает в раскалённой, огненной атмосфере, — охлаждённых идей у Достоевского нет, и он ими не интересуется... Всё в нём огненно и динамично, всё в движении, в противоречиях и борьбе. Идеи у Достоевского — не застывшие, статические категории, это огненные токи... Идеи определяют судьбу. Идеи Достоевского глубоко онтологичны, бытийственны, энергитичны и динамичны. В идее сосредоточена и скрыта разрушительная энергия динамита. И Достоевский показывает, как взрывы идей разрушают и несут гибель. Но в идее же сосредоточена и скрыта воскрешающая и возрождающая энергия. **Мир идей** у Достоевского совсем особый, небывало оригинальный мир, очень отличный от мира идей Платона. Идеи Достоевского — не прообразы бытия, не первичные сущности и, уж конечно, не нормы, а **судьбы бытия**, первичные огненные энергии. Но не менее Платона признавал он определяющее значение идей. И вопреки модернистической моде, склонной отрицать самостоятельное значение идей и заподозривать их ценность в каждом писателе, к Достоевскому нельзя подойти, нельзя понять его, не углубившись в его богатый и своеобразный мир идей. Творчество Достоевского есть настоящее **пиршество идей**» (Н. А. Бердяев).

У Достоевского идеи не абстрактные и рационалистические, а **экзистенциальные**, идеи-индивидуумы, способные воплощаться, своего рода **живые духовные существа** с собственной волей, своим индивидуальным обликом. Такого рода сочетание своеобразного **идеализма** и **персонализма** создаёт уникальный облик персонажей. Герой Достоевского — это одержимый идеей, «человек идеи» (М. М. Бахтин), но, вместе с тем, и **идея-человек** — выражение определённой идеи. Поэтому его герои одновременно искусственны и жизненны, предельно фантастичны и предельно реальны. Они пребывают в неестественной и нередко сверхъестественной ситуации, в необычном состоянии, надрыве, надломе, невероятной напряжённости переживаний и действий, когда многое кажется необусловленным, самопроизвольным, непредвиденным и непредсказуемым, алогичным. С точки зрения обыденного сознания **так** не поступают, **так** не говорят живые люди. Но в персонажах, которые с обыденной точки зрения представляются преступниками и сумасшедшими, описывается напряжённая борьба идей. При всей своей необычности и неправдоподобности герои Достоевского психологически достоверны. Эмпирическая искусственность и нарочитость их действий в духовном плане оказывается адекватной и последовательной.

«Это пророческое художество. Он раскрывает человеческую природу, исследует её не в устойчивой середине, не в бытовой, обыденной жизни, не в нормальных и нормированных формах её существования, а в подсознательном, в безумии и преступлении. В безумии, а не в здравьи, в преступлении, а не в подзаконности, в подсознательной, ночной стихии, а не дневном быте, не в свете сознательно организованной души раскрывается глубина человеческой природы, исследуются её пределы и границы» (Н. А. Бердяев).

Образы Достоевского оправданы с точки зрения психологии **экстремальной ситуации**, из которой почти не выходят его герои. В состояниях крайнего духовного напряжения с ними происходят невероятные для обыденной жизни события: сверхъестественные догадки, узнавание чужих мыслей, про-

видения, совершение неожиданных, немотивированных поступков. В произведениях Достоевского господствует **пограничная** или **предпограничная ситуация** (переживание глубочайших потрясений: страха, страданий, борьбы, смерти; состояния в которых человек познаёт себя как нечто безусловное). Подобную напряжённость смыслов и аффектов трудно вынести, и многих отталкивает невероятная духовная энергия его произведений и видимая уродливость персонажей и действий. Многим кажется, что Достоевский описывает душевную патологию, либо какую-то фантасмагорию, не имеющую отношения к реальной жизни. Достоевский говорил о реалистичности своих произведений: *«Меня многие критики укоряли, что я вообще в романах моих беру будто бы не те темы, не реальные и проч. Я, напротив, не знаю ничего реальнее именно этих вот тем»*. Он имел в виду другую реальность — не обыденную, а глубинную **реальность духа**. *«Новая действительность, творимая гениальным художником, реальна, потому что вскрывает самую сущность бытия, но не реалистична, потому что нашей действительности не производит. Быть может, из всех мировых писателей Достоевский обладал самым необычным видением мира и самым могущественным даром воплощения»* (К. В. Мочульский).

К образам Достоевского можно применить его формулировку, высказанную по близкому поводу: *«Конечно, они абсурдны в обыденном смысле, но в смысле ином, внутреннем, кажется, справедливы»*. Это изображение не эмпирических лиц и событий, а душевных состояний и процессов. Внутренняя жизнь человека спонтанна, клочковата, алогична, хотя на уровне сознания выглядит логичной. Интенсивная душевная жизнь — это борьба противоречивых сил, постоянный надрыв и раскол. В сильном характере какая-либо идея может захватить воображение, подчинить душевную жизнь, лишить её разнообразия, и перед нами человек идеи или идея-человек. Герои Достоевского олицетворяют собой внутренние силы, которые мы порождаем в своей душе и которые способны поработить нас. В той степени, в какой мы проявляем себя как существа свободные, творческие,

как личности, мы создаем образы истинного, прекрасного и благого бытия. Отдаваясь своеволию, произволу, эгоизму, самостным инстинктам, стихиям зла, мы плодим ложные идеи и злые силы. Борьба добрых и злых мотивов порождает конфликт внутренней жизни, трагическую коллизию — столкновение противоположных стремлений, интересов.

Итак, поле действия **индивидуальных духовных сущностей** Достоевского — душа человека. «*В мире дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей*» — это высказывание Достоевского выражает **интенцию** его творчества. Поэтому чувство эстетического равновесия и критерий художественной завершенности образа у писателя во многом мотивированы этически. В поисках, развитии, дифференциации и собирании художественных образов участвует его нравственно-религиозное чувство. Это придаёт неповторимое своеобразие его **поэтике** — системе художественных средств. Её нельзя понять и оправдать только эстетически. В творчестве Достоевский пытается решить главные, наиболее мучительные и скрытые вопросы бытия человека. На этом он сосредоточивает свои силы. Отсюда напряжённость, эксцентричность чувств и отношений его героев. То, что не входит в его основной интерес, удаляется мимолетной зарисовки и поэтому производит впечатление искусственности.

До сих пор не прекращается дискуссия: **полифонично** или **монологично** творчество Достоевского². У него диалектически сочетается и то, и другое. Это — **полифония**, поскольку в романах Достоевского явное многоголосье оппонирующих и взаимоисключающих позиций и идей. Писатель видел изначальную конфликтность душевной жизни человека, расколотость, противоречивость его сознания и чувств. Но это и **монологичность**, поскольку всё происходит в рамках единой

---

² Полифония — многоголосье: одновременное гармоничное сочетание и развитие нескольких самостоятельных линий, голосов; монолог — речь действующего лица, выключенная из разговорного общения персонажей и не предполагающая непосредственного отклика, в отличие от диалога.

души человека, представляющей собой *поле битвы* мирового добра и зла. В романах Достоевского один главный герой, вбирающий в себя большинство образов остальных. Монологизм его творчества сказывается и в том, что он утверждает метафизическое единство личности как **целеполагаемую норму**. Главное же — творчество Достоевского является проекцией разрешения им самим бытийных проблем. Его персонажами движет и их объединяет обязательный изначальный вопрос и творческая проблема самого писателя. Итак, многие голоса в своём соединении выражают автора: творчество Достоевского более всего **симфонично** — представляет собой соединение, сочетание множества противоречивых состояний, идей.

Достоевскому не были чужды и формальные эстетические поиски, он был в гуще литературной жизни и живо реагировал на неё. Но литературный процесс не был для него самодостаточным, а служил материей, в которой он мог наиболее адекватно воплотить своё видение мировых проблем. Итак, по своим задачам творчество Достоевского **экзистенциально-монологично**.

Иного плана вопрос: где и насколько текст произведений представляет собой монолог автора? Достоевский — это не литератор, описывающий обыденную жизнь, а **духовидец**, переживший трагичность бытия, изображающий то, что мучает его душу. Он был личностью титанической и сложной, раздираемой противоречиями, но ищущей гармонии. В письме к А. Н. Майкову Достоевский признавался: *«А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всём до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил»*. Ему, как подлинно гениальному человеку, были ведомы состояния и напряжённого духовного подъема, и падения, было открыто как высокое, так и низменное. Его душа побывала и на небесах, и в преисподней. Этот трагический духовный опыт и воплощался в образах героев Достоевского. Поэтому на вопрос: устами кого из героев говорит Достоевский, — можно ответить: каждого в отдельности и всех вместе. Но на другой вопрос: с каким героем

идентифицируется позиция автора, — ответить однозначно трудно. Тот или иной герой, порой совершенно неожиданный, может высказывать заветные мысли Достоевского.

Но наиболее близок мировоззрению автора тот **анонимный герой**, который может иметь персональный образ, но поле души которого шире этой конкретной персоны и вбирает свойства других героев. По аналогии с понятием «лирический герой» в поэзии можно сказать, что в романах Достоевского проживает жизнь некий **метафизический герой** — воплощение бывших заблуждений, настоящих страданий и поисков, тяги к гармонии самого автора. Метафизический герой может персонифицироваться в одном действующем лице, но оно не является полным его выражением. В этом случае большинство персонажей охвачено горизонтом души метафизического героя и тяготеет к явному центру её — главному герою.

Роман «Преступление и наказание» потому и производит наиболее целостное впечатление, что его главный герой Раскольников является и метафизическим героем. В других романах образ метафизического героя расплывён. Раскольников же является не только главным, но в определённом смысле единственным действующим лицом романа. Все остальные — проекции определённых состояний души Раскольникова. Поскольку автора в первую очередь интересуют динамика и итог душевных превращений, то они изображаются в **предельном** состоянии. Большинство героев романа представляет собой крайнее выражение и персонификацию идей или чувств Раскольникова. Некоторые герои олицетворяют собой определённые **объективные** начала: положительные (Соня) либо отрицательные (старуха), воздействующие на Раскольникова как извне, так и через его рассудок или сердце.

Главная проблема творчества Достоевского — **природа и происхождение зла в человеке**, одержимость духами зла. Достоевский описывает столкновение добра и зла в судьбе и душе человека. Поэтому его романы изображают более метафи-

зические, чем эмпирические реалии. Наиболее идеологический роман «Бесы» в этом измерении оказывается наиболее полемически-эмпирическим произведением зрелого периода творчества писателя. Так как в нём проблемы выражаются в социальных, психологических и бытовых проекциях, то описание выглядит наиболее приближённым к реальной жизни. Отсюда наличие, более чем где-либо, конкретных исторических событий и фактов, злободневность и актуальность романа. Вместе с тем, в «Бесах» духи зла выступают как обнажённые, абстрактные, хотя носителями их могут быть конкретные персонажи, — отсюда некоторая рационалистичность «Бесов». Достоевскому было необходимо высказаться в такой форме, чтобы самому сполна осознать вопрос, сформулировать некоторые актуальные проблемы и быть при этом услышанным современниками. В «Бесах» писатель напрямую высказал то, что пережито и опознано им в «Преступлении и наказании». Это в свою очередь было подготовкой для непосредственной проповеди в «Дневнике писателя». В романе же «Преступление и наказание» Достоевский рассматривает проблему зла на уровне **метафизической психологии**. Здесь его образы приобретают наибольшую художественную пронзительность и ёмкость. Они персоналистически полнее, чем в «Бесах». «Преступление и наказание» является наиболее целостным и законченным произведением Достоевского — и в духовной проблематике, и эстетически. В последующих произведениях писатель углублял и детализировал смыслы, которые были выявлены в романе «Преступление и наказание».

Основные вопросы **темы зла в романе**:

— При каких обстоятельствах и в каких состояниях человек одержим духами зла? Какова феноменология — формы явления зла? Это проблема *преступления*.

— Что происходит с душой человека, породившего злую идею и поработившегося ею? Как злые духи актуализируются — становятся действительными, существуют и проявляются

в жизни, какова их сущность в предельном выражении? Это проблема **наказания**.

— Каков путь изживания зла и духовного оздоровления? Это проблема **искупления** и **воскресения**.

Обстоятельства и состояния человека, одержимого духами зла, раскрывает фабула — сюжетная основа, расстановка лиц и событий романа. Раскольников вырос в здоровой семье с традиционным укладом, среди любимых и любящих его людей. Но вне семьи он оказывается выпавшим из органичного жизненного уклада. Его внутренний облик формируется вне традиций и преданий, которые могли бы взрастить здоровые начала души. Во взрослой жизни у Раскольникова оказались оборванными связи с тем, что Достоевский называет *землёю, почвой*. Новой же *почвы* он обрести не смог: оказавшись за пределами традиционной культуры, душа его не смогла привиться к чуждой искусственной *цивилизации*, которая, по Достоевскому, противостоит органике *земли*. Раскольников не мог найти себя ни в рационализированной, секуляризированной — обмирщенной, отторгнутой от религиозных основ учёности, ни в выхолащивающих душу профессиональных занятиях, ни в карьере, возможности для которой мог предоставить Петербург (*«Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься»*). Достоевский писал Каткову, по каким причинам его герой приходит к преступлению: *«По легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным “недоконченным” идеям, которые носятся в воздухе»*. Неокрепшая душа вне здорового жизненного уклада попадает в **заражённую духовную атмосферу**.

Это трагедия не только личная: *«Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое»*. Достоевский показывает, что в России рушатся традиционные жизненные основы, разрываются органичные связи между людьми, наступает **эпоха безукладья**: *«У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет»*. Россия, как и герой романа, только вышла из отрочества, ещё не успели сформироваться положительные основы жизни,

но уже началась полоса разрушения: *«Нет оснований нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение и всё прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало. И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне, нравственно»* (из черновиков к роману «Подросток»). Творчество Достоевского есть *«изображение крайнего богохульства и зёрна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи»* (из письма к К. П. Победоносцеву).

Разрушающаяся почва заражается носящимися в воздухе ложными идеями. *«Не во что верить, не на чем остановиться»*, — записано в черновых набросках к роману. В образованном обществе утверждалась **эгоистическая индивидуалистическая этика**, отрицающая национально-исторические и православные традиции. Раскольников соблазняется формой *утилитарной морали*, утверждающей, что целью человеческих поступков должна быть только личное благополучие, что поведение человека обуславливается *разумной пользой*. Преступление Раскольникова, считает Достоевский, есть *«доведенная до последствий теория разумного эгоизма»*. В начале формирования господствующей в будущем атеистической материалистической идеологии Достоевский понимает, что торжество так называемого экономического принципа приводит не к всеобщему благоденствию, а к взаимному истреблению.

Известно, что на первоначальные замыслы романа оказывала влияние полемика Достоевского с социалистами. Но затем писатель погружается в исследование **метафизических коллизий** в душе своего героя. Ибо человек есть создатель ложных идей и, чтобы понять и объяснить их появление, нужно углубиться, прежде всего, в его душу. Как истинный персоналист, Достоевский обращается к началам мирового бытия: в глубине индивидуального личного бытия вскрываются всеобщие закономерности.

В произведениях Ф. М. Достоевского *«Всё сконцентрировано и сгущено вокруг человека, оторвавшегося от божественных первооснов. Всё внешнее, — город и его особая атмосфера, комнаты и их*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru